

На основании этого мы можем сделать вывод, что считавшийся русофобом Утида Рёхэй на деле стремился к установлению дружеских отношений между Японией и Россией. Вопреки репутации антиросийски настроенного деятеля, он пытался найти пути для сотрудничества двух народов и оставался борцом за идею единой Евразии.

Из истории периодической печати Японской Православной Церкви

Э. Б. Саблина

Уважаемый читатель! У Вас в руках, юбилейный, номер Ежегодника «Япония». 40 лет выходит он в свет. Несколько поколений японоведов рассказывают на его страницах о своих исследованиях в различных областях жизни страны-соседа, тем самым способствуя развитию и укреплению российско-японских отношений.

В мае нынешнего, 2012 г., прошёл буднично незамеченным ещё один юбилей: вышел в свет 1460 (тысяча четыреста шестидесятый !) номер «Православного вестника» (Сэйкё Дзихо) – издающегося с 1880 г. ежемесячного журнала Японской Православной Церкви.

Национальная Японская Православная Церковь, ставшая ветвью мирового православия, является результатом 50-летней деятельности в стране, бывшей поначалу враждебной христианству, Святителя Николая Архиепископа Японского, выдающегося учёного-японоведа, почётного члена Русско-Японского Общества и Императорского Общества Востоковедения. В 2012 г. отмечается 100-летняя годовщина со времени кончины Архиепископа Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина).

Летом 1861 г. 25-тилетний иеромонах Николай прибыл в Хакодате в качестве священника церкви учреждённого там несколькими годами ранее российского консульства во главе с И. А. Гошкевичем. С первых лет пребывания на дальневосточной земле Николай пришёл к убеждению, что между Японией и Россией нет поводов для разногласий. «Всё, что делается в Японии, более, чем всякое другое государство, должно интересоваться Россию как непосредственную соседку её на крайнем востоке. Оба государства....совершенно различные по своему географическому положению, вследствие чего в будущем они могут только помогать друг другу, но не встречаться одно с другим на перекрёстных дорогах и не мешать одно другому»¹.

Будучи свидетелем глубоких перемен, происходивших в Японии, Николай предчувствовал, что его ожидает широкое поле деятельности, и в 1869 г. он отправился в Петербург хлопотать перед Святейшим Синодом об открытии православной миссии в японской столице, куда он переехал из Хакодате в 1872 г. С отменой антихристианского законода-

¹ Древняя и новая Россия. СПб., 1875, №10, с. 228–229.

тельства (1873 г.) открылся простор для миссионерского дела. В Токио с 1875 г. при Русской миссии начала действовать духовная семинария (просуществовала до 1919 г.) с программой, рассчитанной на семь лет, которая предусматривала как теологические, так и общие предметы: в ней преподавали языки, историю (российскую и японскую), читали китайские классические книги. Первый выпуск семинарии состоялся в 1882 г.

Появилась и семинария для девушек, где наряду с Законом Божиим ученицы усваивали навыки домоводства и шитья, рисования и пения. Семинария быстро приобрела репутацию одной из лучших женских школ в Японии, включая национальные и европейские. Деятельность Архиепископа Николая, его стремления были направлены на то, чтобы японцы сами создавали свой духовный мир. Он хотел иметь местных церковных архитекторов, японских иконописцев, японские хоры. Необходимы были японские катехизаторы и священники для евангелизации страны, а значит, и переводы на японский язык Священного Писания и богослужебной литературы.

Для более успешного проповедования христианского учения Русская Духовная Миссия за время своего существования издавала четыре периодических журнала. 15 декабря 1880 г. начал выходить два раза в месяц официальный орган Миссии «Сэйкё симпо» («Православные вести»), печатавшийся частично на японском, частично на русском языке. Объём номера составлял, как правило, около сорока страниц. Журнал содержал обзор жизни Японской Православной Церкви и всего христианства и занимал одно из самых видных мест в ряду христианских миссионерских изданий в стране. Газета «The Japan Daily Mail» ежемесячно печатала обзоры религиозной прессы в стране, и в редком из таких обзоров не встречалось весьма лестных отзывов по поводу статей, помещаемых в «Сэйкё симпо». Журнал под этим названием выходил до ноября 1912 г., а с ноября 1912 г. издаётся по сей день ежемесячно под названием «Сэйкё дзихо» («Православный вестник»). Сейчас объём его составляет двадцать три страницы, и печатается он на японском языке. Как выглядела обложка старинного журнала, можно узнать из дневника Архиепископа Николая в записи от 18/30 ноября 1880 г.: «Выбрали виньетку – ангел, летящий с Евангелием, – Виссарион дал мысль»². Рисунок поручили сделать художнице Ямасита Рин.

Архиепископ Николай, чья деятельность была направлена на японизацию христианского учения, думал и о воспитании местных иконописцев. Вначале иконы для японских храмов ввозились или присылались из России, чтобы делать печатные иконы, отсюда же были привезены и литографические станки. С распространением православия возникавшие японские общины и их храмы нуждались в церковной утвари и особенно в иконах. Вставала настоятельная необходимость создавать

при Миссии иконописную школу, но учиться мастерству иконописи нужно было в России. Владыка собирался отправить туда Окамура Масако (1858–1936), православную ученицу первой в Японии государственной промышленной школы искусств. Но она вышла замуж, и послать её в монастырь стало невозможно. Вместо неё в декабре 1880 г. Архиепископ Николай отправил в Петербург, в Новодевичий Воскресенский женский монастырь, насельницы которого много помогали Владыке в его миссийских делах, 23-летнюю девушку по имени Ямасита Рин (1857–1939), учившуюся вместе с Окамура Масако. В 1878 г. она стала православной и приняла в крещении имя Ирина. Начинаящей художнице поручили сделать эскиз обложки для журнала «Сэйкё симпо», и видимо, тогда начальник Миссии и заметил её одарённость.

Ямасита Рин происходила из обедневшей самурайской семьи в г. Касама (преф. Ибараки). Как явствует из её автобиографии, она сначала училась у Хасимото Тиканобу, художника школы *укиё*, позже её наставником стал Накамару Сэйдзюро, занимавшийся европейской живописью. В 1876 г. в Японию прибыл итальянский художник Антонио Фонтанези (1878–1882) для работы в промышленной школе искусств, где впервые в Японии он стал преподавать живопись маслом. Ямасита Рин, судя по сохранившимся ведомостям школы, была лучшей ученицей.

10 марта 1881 г. Рин приехала в Петербург и поселилась в монастыре, при котором была иконописная мастерская и куда приходил давать уроки ректор Академии художеств Федор Иванович Иордан (1800–1883), знакомый Архиепископа Николая. Ямасита Рин часто посещала Эрмитаж, где делала копии с картин итальянского Возрождения, в основном, с изображений мадонн.

Подробности её пребывания в Петербурге запечатлены в её дневнике. Из него стало известно, как трудно она переносила сырой, холодный климат, часто болела, как нелегко давалось ей мастерство иконописи с его строгими канонами, совершенно отличными от навыков, усвоенных в Токио.

Покойный племянник Ямасита Рин, Ода Хидэо, который жил в Касама, бережно хранил два письма к ней Архиепископа Николая, следившего за её успехами из Токио. Письма Владыки излучают сердечность и заботу о своей подопечной, повествуют о том, какие надежды возлагал он на молодую художницу. Вот, что писал он 27 января 1882 г.: «Любезная Ирина Петровна, Божие благословение да будет над Вами! Благодарю Вас за известия о себе. Очень рад Вашим успехам. Все здесь, слыша всегда доброе и приятное о Вас, радуются и благодарят Бога за Вас; все ждут от Вас со временем большой службы и пользы для церкви.

Из Сейкё-симпо Вы отчасти знаете, что делается здесь. Всё вообще по-старому; как прежде, церковь Божия не перестаёт понемногу расширяться; школы также идут.

² Дневники Святого Николая Японского. Т. I (1870 – 1880 гг.). СПб., 2003, с. 326.

На нашем Симпо, вероятно, Вам приятно встречаться каждый раз с Вашим старым знакомым и Вашим же произведением – заглавным рисунком; одна медная доска истёрлась, недавно вырезали другую. Но хорошо было бы если не переменить, то улучшить рисунок. Не представляется ли Вам, что Ангел несёт свиток – как будто в кладовую положить? Потому что виднеющиеся внизу здания, как Вы сами знаете, все похожи на несгораемые японские кладовые, а не на жилые здания. Лицо Ангела также нужно сделать красивое. Вообще, сцену не мешало бы оживить, иначе всё как будто совершается ночью, без всякого участия каких-нибудь других существ, кроме Ангела. Если бы Вы нашли возможным написать новый рисунок и приложить его в письме сюда, то мы были бы весьма благодарны Вам».

В письме от 10 октября 1882 г. Владыка писал: «Милая наша Иконописица госпожа Ирина, Благодать Божия да будет с Вами во веки веков!

Весьма благодарен Вам за картинку для Сейкёо-Симпо. К Вам уже пошёл один номер с ней; к сожалению, резчик не совсем хорошо вырезал на меди; простая случайность тому виной: главный мастер внезапно должен был отправиться к себе в деревню, а его первый ученик сделал вот так, как видите... Впрочем, нужно заметить, картинка – очень нелёгкая для выполнения в резьбе; – особенно трудна картинка, – трудна потому, что хлебы совсем не ясны, вероятно, хлебы Вы хотели изобразить, – иначе нечего для соответствия с виноградом, но подите же, разберите их – хлебы, когда они пекутся в разных местах – разных форм; я сам едва догадался, что это хлебы. Мне кажется, всего лучше было бы изобразить их в виде просфор что ли, по крайней мере, просфоры везде одни и те же, стало быть, всякий христианин тотчас поймёт. Но вообще картинка всем нравится, и мы все Вам очень благодарны.

Все мы в большой надежде, что из Вас выйдет превосходная иконописица, которая не только сама будет славные иконы писать, но и многих научит тому же искусству, т. е. заведёт здесь, вернувшись, иконописную мастерскую, соберёт учеников и учениц и обеспечит Православную Японскую Церковь иконописью, так что не нужно будет в этом отношении помощи заграничной церкви, каковую помощь, по дальности расстояния, не легко получать. Укрепит Вас Господь на это важное дело! ... Переносите с терпением скуку и тоску, ради той великой цели, к которой стремитесь – принести несомненную пользу отечественной церкви»³.

Ямасита Рин проучилась в Петербурге два года. Переносимые ею трудности усугублялись ещё и тем, что Рин почти не владела русским языком. Владыка Николай, беспокоясь о её здоровье, советует ей вернуться на родину. В марте 1883 г. Ямасита Рин покидает Россию.

³ Архиепископ Николай. Письма к Ямасита Рин // Частный архив Ода Хидэо.

После возвращения в Японию она стала писать иконы для православных церквей, строившихся по всей стране, работая в созданной для неё иконописной мастерской при миссийском женском училище, где она и жила в предоставленной ей отдельной комнате. Сведений об иконописной мастерской почти не сохранилось, кроме того, что она существовала и её официальное название было «Иконописная мастерская православной церкви». В 1893 г. здесь работала ещё одна женщина – Такахаси Масуко (годы жизни неизвестны), однако вскоре Ямасита Рин осталась одна.

Тридцать лет спустя после Рин, в 1909–1913 гг., по рекомендации Архиепископа Николая в России, сначала в Петербургской школе искусств барона Штиглица, а затем в Академии художеств, училась Мария Хидэко Сибаяма, в замужестве Ои. В её судьбе горячее участие принимала семья будущего учёного-японоведа Сергея Елисеева, в которой она жила как член семьи. Выйдя замуж за журналиста Ои Канэ-така, Мария вернулась в Японию и посвятила себя мужу и детям. Она не оставила заметного следа в церкви и единственным дошедшим до наших дней её произведением является икона в церкви Яматэ в Токио.

Ямасита Рин, не имевшая семьи, полностью отдала себя работе, протрудившись в иконописной мастерской тридцать пять лет, до 1918 г., когда она переехала в свой родной Касама. Ею написано около двухсот пятидесяти икон, находящихся в православных храмах по всей Японии. Однако общее число их неизвестно, так как она не ставила ни подписи, ни даты, да это и не принято у иконописцев. Писала она темперой, что обеспечило её работам хорошую сохранность. Много её икон было в Токио в Воскресенском кафедральном соборе, но всё сгорело во время Великого землетрясения Канто в 1923 г. На некоторых иконах указана дата их отправки из мастерской Миссии, есть реестры и в различных церквях, что позволяет установить время создания работ, хотя эти даты могут считаться нижним пределом создания икон.

Одна датированная работа Ямасита Рин хранится в Эрмитаже. Это икона Воскресения Христова – дар Японской Православной Церкви наследнику Российского престола, будущему царю Николаю Второму, во время его посещения Японии в 1891 г. Поездка наследника была омрачена известным событием в Оцу, городке близ Киото, где, по пути из Кобэ в Токио, он подвергся нападению полицейского Цуда Сандзо, нанёсшего ему удар саблей по голове. Икону цесаревичу преподнесла делегация православных японцев, получившая к нему доступ на фрегат «Память Азова» в порту Кобэ. На обратной стороне иконы по серебряному полю написан золотом храм Воскресения Христова в Токио и внизу храма золотом сделана надпись по-русски и по-японски: «Его Императорскому Высочеству, Наследнику Российского Императорского Престола, Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу почтительнейшее приношение Японской Православной

Церкви, в знак усерднейшей её молитвы о здравии и благоденствии Его. 6 мая 1891, Токио».

Для иконы и киота к ней использована доска из дерева хиноки, взятая из разобранного главного буддийского храма Дзодзэджи в Токио, построенного в XVII в. На золотом поле лицевой стороны киота выпукло изображены золотом цветы четырёх времён года: вишня, лилия, астра, нарцисс. Лак, смешанный с порошком из чистого золота, положен в десять слоёв. Боковые стороны киота, покрытые чёрным лаком, украшены золотыми астрами, и обратная сторона – чёрный лак с золотыми блёстками. Украшения по заказу японских православных христиан сделал в 1891 г. известный мастер лако-золотых дел Такаи Ясухару, унаследовавший своё мастерство от отца и занимавшийся им 41 год.

При женской духовной школе издавался ежемесячный журнал «Уранисики» («Скромность»). *Уранисики* буквально означает «Подкладка из парчи» и заключает в себе целое мировоззрение. Согласно конфуцианскому учению, дорогая парчовая ткань (парчу принято было носить покрытой тонким шёлком) символизировала душу человека, которому надлежит, прежде всего, заботиться о внутренней чистоте, о совести, пренебрегать показной суетой. Интересно, что конфуцианская мысль о том, что показной суетой следует пренебрегать, перекликается с христианской. В Новом Завете, в Первом послании Петра, главе 3, говорится: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом».

Издание «Уранисики» было начато 15 ноября 1892 г., но в 1907 г. за недостатком средств было прекращено. Здесь печатались духовно-нравственные, практически-наставительные и художественные произведения, полезные для воспитания в православном духе японских женщин. Журнал знакомил читателей с русской литературой, помещая переведённые из неё на японский язык фрагменты: Круг авторов включал Пушкина, Гоголя, Тургенева, а также Короленко, Горького и других. В «Уранисики» был напечатан «Борис Годунов», первый из переводов А. С. Пушкина в Японии. «Уранисики» получил наибольшую известность, став первым журналом для женщин, издававшимся в Японии.

С сентября 1893 г. миссия издавала ежемесячный журнал апологетического характера под названием «Син кай» («Духовное море»), начатый в сентябре 1893 г. Он являлся органом семинарии, но выходил недолго и за недостатком средств был прекращён на 70-м номере в 1899 г. В отличие от «Уранисики», посвящавшего большую часть своих страниц русской художественной литературе, «Син кай» печатал переводы статей по богословию и философии из различных российских журналов, включая такой известный, как «Вопросы философии и психологии» Н. Я. Грота.

Ежемесячно выходил журнал «Сэйкё ёва» («Православная беседа»), посвящённый проповедям и речам и обсуждению религиозных истин в целях выработки у верующих японцев христианского мышления. Журнал выходил с 1893 г. по 1918 г.

В разные годы, кроме вышеуказанных основных журналов, выходили и другие издания: «Нива» («Сад»), «Нироку симбун» («Круглосуточная газета»), «Симэй» («Предназначение»). В первую очередь в них печатались религиозно-нравственные тексты, сокращённое изложение догматов православной церкви, жития святых. Определённое место в этих изданиях отводилось и светской литературе, как поэзии, так и прозе. Святитель Николай, высоко ценивший изящную словесность, благословлял такие переводы, полагая не без основания, «что, полюбив Пушкина и Толстого, японцы не смогут не полюбить Россию»⁴.

Архиепископ Николай особое значение придавал переводческому отделу, в котором, по его мнению, заключалась вся суть миссийского дела. Он считал, как свидетельствовал современник Владыки Д. Позднеев, что «в настоящее время, вообще, работа миссии в какой бы то ни было стране не может ограничиваться одной устной проповедью. Времена Франциска Ксавье, бегавшего по улицам с колокольчиком и созывавшего таким путём слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитом уважении к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дёшево изданную»⁵.

В основу переводческой работы Владыкой Николаем был положен тот принцип, что душой миссии должно быть печатное слово, и этому принципу он неуклонно следовал всю жизнь. На протяжении тридцати лет с 1881 г. ровно в шесть часов вечера входил к нему его постоянный и единственный помощник по переводам Павел Накаи (Цугумаро), глубокий знаток китайского и японского языков, садился рядом с Владыкой и начинал писать под его диктовку переводы. Владыка выбрал Накаи из среды православных учёных японцев за его прекрасное знание иероглифической письменности, громадную трудоспособность и преданность православной вере. Эта работа продолжалась в течение четырёх часов и оканчивалась в десять вечера. Исключения составляли праздничные дни и дни вечерних богослужений. Архиепископ Николай говорил: «Хотя бы небо разверзлось, а я не имею права отменить занятий по переводу»⁶.

Владыка Николай начал свои переводы богослужебных книг с круга воскресного богослужения, затем перешёл к Цветной Триоди, далее

⁴ Цит. по: Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX-начала XX веков. М., 1993, с. 73.

⁵ Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика. СПб., 1912, с. 14.

⁶ Там же, с. 14.

перевёл Триодь Постную и потом постепенно заполнял весь круг богослужений. Одновременно с этим шёл перевод Евангелия, которое Владыка переиздавал несколько раз. Из Ветхого Завета им были переведены все части, которые необходимы для годового круга богослужений. По свидетельству Д. Позднеева, «заветной мечтою его было восполнить недостающее и издать всю Библию. В 1910 г. он говорил мне, что для завершения этого труда, по его расчётам, ему нужно ещё пять лет»⁷.

Архиепископ Николай вёл свою переводческую работу чрезвычайно осторожно и педантично. В японском языке особую опасность для православия представляло употребление тех иероглифов, которые имеют в буддийском и синтоистском каноне особый смысл, расходящийся с православием. В этом отношении все термины, касающиеся, например, нирваны или детерминистического определения человеческой воли и тому подобных понятий, составляли особую трудность, как совершенно расходящиеся с православным представлением о личном Боге, рае, свободной воле человека. По воспоминаниям современников Архиепископа Николая, иногда установление одного иероглифа требовало долгих часов совещания Владыки с Павлом Накаи, а иногда случалось, что о переводе одной фразы рассылались по всей Японской Церкви архипастырские послания с просьбой к верующим высказаться о соответствующей православии редакции текста.

Кроме того, Архиепископ Николай придерживался принципа никогда не читать ни католических, ни протестантских переводов Библии из опасения невольно что-либо из них позаимствовать. Он говорил Позднееву, что «лучше самому, исходя из личного понимания православия, преодолевать трудности японской письменности и искать в них соответствия с нашими текстами, чем подчиняться инословным переводам и брать из них готовые термины»⁸.

Вследствие такого отношения Архиепископа Николая к переводам им был выработан совершенно особый православно-богословский японский язык, термины в котором точно передают значение славянских и греческих православных слов. Однако для общей массы верующих японцев подбор иероглифов был в значительной степени труден, но Архиепископ Николай считал, что перевод Евангелия и богослужения не должен опускаться до уровня развития японцев, а, наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. И этого, в определенной мере, удалось достичь по мере развития работы переводческого отдела Миссии и создания в Японии православно-богословской библиотеки, благодаря чему японцы стали привыкать к христианско-православному мышлению. Почти все богословские сочинения, признаваемые в России классическими, были переведены на японский язык.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Там же, с. 16.

В состав переводческого отдела, трудившегося под контролем Владыки и при его ближайшем участии, входили, главным образом, лица, получившие высшее богословское образование в России, а позднее и японцы, окончившие миссийскую духовную семинарию и хорошо знавшие русский язык. Среди них были директор семинарии Иван Сэнума и его жена Каё, первая познакомившая японцев с миром Чехова. Гордостью Владыки являлось появление и оригинальных японских православно-богословских сочинений. Согласно каталогу изданий Миссии, помещённому в «Прибавлении к церковным ведомостям», № 49, в 1896 г. было опубликовано пять таких сочинений, а в 1903 г. – уже пятнадцать.

Архиепископ Николай, воодушевляя собственным примером своих ближайших учеников и помощников на научные труды, создал целую школу переводчиков произведений русской литературы на японский язык. Приведем наиболее известных из них.

Сэки Такэсабуро (1871–1920), внесший большой вклад в издание органа семинарии «Син кай». Он написал много статей, посвящённых критике западноевропейской философии с позиций славянофильства. Во время Первой мировой войны он перевёл «Лекции о Богочеловеке» Владимира Соловьёва. Их публикация была прервана его гибелью в 1920 г., в бою с советскими партизанами в Николаевске-на-Амуре, где он служил в японской торговой фирме.

Кониси Масутаро (1862–1940), окончив семинарию Миссии, девять лет провёл в России, где учился в Киевской духовной академии и в Московском университете (занятия психологией у профессора Л. М. Лопатина на юридическом факультете). Учёный-психолог Н. Я. Грот (1852–1899) представил его в 1892 г. Л. Толстому, после чего Кониси не раз бывал в Ясной Поляне, консультировал писателя, интересовавшегося древнекитайской философией. Об этом он оставил воспоминания и очерк «Толстой – сын России». Кониси Масутаро печатался в основном Н. Я. Гротом журнале «Вопросы философии и психологии».

Кониси привёз в Японию собрание сочинений Л. Н. Толстого. Им переведены «Крейцера соната» (в содружестве с известным писателем Одзаки Коё), рассказ «Два старика», повесть «Детство». «Крейцера соната» вызвала особенно большой резонанс в Японии, в обстановке происходивших там поисков новой морали. Возвратившись в Токио, Кониси преподавал в семинарии философию и богословие. Его статьи в миссийских журналах знакомили японцев с русской общественной мыслью.

Сэнума Каё (1875–1915) – выпускница, а затем учительница женской православной школы, в девичестве Ямада Икуко, (Каё – псевдоним, означающий «Летний лист», по созвучию с литературным именем почитаемого ею учителя, писателя Одзаки Коё – «Багряный лист» – Э. С.) она прославилась своими, впервые сделанными в Японии, переводами А. П. Чехова, собрание сочинений которого имелось в библиотеке Миссии. Н. И. Конрад указывал, что «именно Сэнума Каё принадлежит

историческая заслуга – дать японской литературе Чехова в тот момент, когда это было для неё особенно нужно»⁹, имея в виду обновление японской литературы и театра, происходившее в 1900 г. О том, что Сэ-нума Каё явилась не только первым, но и лучшим интерпретатором Чехова, свидетельствует и Накамура Ёсикадзу, посвятивший деятельности переводчицы обстоятельное исследование.

Нобори Сёму (1878–1958) по праву называют патриархом современной русистики. В 1904 г., через год после окончания православной семинарии, он опубликовал книгу о Н. В. Гоголе, а итогом его восьмидесятилетней жизни явились переводы и исследования русской литературы, составившие более сотни томов. В число авторов, которых переводил Нобори Сёму, входили Ф. Достоевский, Л. Толстой, М. Горький. Он познакомил японцев с такими писателями, как И. Бунин, А. Куприн, М. Арцибашев, Б. Зайцев, Л. Андреев, Ф. Сологуб. Самой важной работой Нобори Сёму как критика стал его капитальный труд «История русской и советской литературы» (Россия то советто бунгаку си), 1955 г. Он преподавал во многих учебных заведениях – в Токийской православной семинарии, Военной академии, университете Васэда – и составил многочисленные учебные пособия: «Новый самоучитель русского языка» (Син росияго дзисю кодза), 1932 г. в пяти томах, «Введение в русский язык» (Росияго нюмон), 1934 г. и другие.

Таким образом, Японская Православная Церковь, вырастив не одно поколение глубоких знатоков русского языка и России, внесла большой вклад в развитие и взаимодействие культурных связей двух стран. Богатая библиотека, издание художественных переводов способствовали тому, что русская литература завоевала прочные права гражданства в Японии. Г. Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX – начала XX в.» отмечала: «...после русско-японской войны появилась выразительная присказка: японцы победили русских в сражениях, сами же побеждены их литературой»¹⁰. Можно сказать, что стараниями Архиепископа Николая и его учеников в Японии была создана русистика.

Владыка Николай хотел, чтобы христианское учение в Японии стало японским православием, как оно стало греческим православием в Греции и русским православием в России. Ему удалось достичь всего этого, основав японскую православную культуру. Православие приобрело реальное значение в истории Японии. Духовное влияние Святителя Николая на японцев не было ограничено узкой сферой, но распространилось во всём обществе, где оно сохраняется и по сей день.

Надеемся, что и впредь ежегодник «Япония» будет собирать обильный урожай статей российских японоведов, небесным покровителем которых можно по праву считать Святого Николая Японского.

⁹ Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974, с. 454.

¹⁰ Там же.

«Теперь бы меня в НКВД не узнали...»: неизвестный источник о жизни русских в Токио в 1926–1927 годах

В. Э. Молодяков

В этой истории пока больше загадок, чем разгадок, больше вопросов, чем ответов, но если не задать вопросы сейчас, ответы не найдутся. Конечно, вводя в научный оборот новый источник, надо стремиться прокомментировать его как можно подробнее, но это не всегда оказывается возможным. Я решил не медлить с обнародованием своей находки, имея в виду важность не столько самого текста, хотя интерес к истории повседневной жизни сейчас велик, сколько контекста, в который он может быть помещен, а также возможность использования данного источника исследователями в России и в Японии.

Коллекционерская удача капризна: ей соответствует пословица «то густо, то пусто» – но усилия ищущего, как правило, вознаграждаются. Осенью 2011 г., когда я вносил последнюю правку в рукопись монографии «Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи» (М., 2012), в мое собрание попали шесть неопубликованных писем, отправленных в 1926–1927 гг. из Токио в Москву¹. Купленные в антикварном магазине бумаги оказались фрагментом семейной переписки, выяснить происхождение («провенанс», как говорят коллекционеры) которой мне не удалось. Использовать найденные документы в книге я не успел, но считаю их заслуживающими внимания, поскольку авторы писем оказались в интересном месте в интересное время.

Место действия – Токио (отправители) и Москва (получатель). Время – с 29 июня 1926 г. по 23 августа 1927 г. Адресат – Алексей Николаевич Животовский, проживавший вблизи Даниловского рынка по адресу: Татищева улица, дом 23 (не сохранился; сейчас нечетная сторона улицы заканчивается домом 17), квартира 2. Авторы писем – его мать, имени которой мы не знаем и потому, в соответствии с древней японской традицией, будем называть ее «мать Алексея» (вспомним «Митицуна-но хаха», «мать Митицуна»), а также ее дочь, сестра Алексея, «Леля», то есть Елена или Ольга. Что мы знаем о них? Практически ничего. Что мы можем узнать из писем? Немного (известные автору электронные базы данных не помогли), но попробуем извлечь из источника максимум информации. Это весьма увлекательный процесс.

¹ Далее письма цитируются с исправлениями исключительно пунктуационного характера.